

Криминалистика : учеб. для студентов вузов по юрид. специальностям / Н.И. Порубов [и др.]. Минск : Выш. шк., 2011. 639 с.

Порубов, Н.И. Юридическая этика : учеб. для студентов учреждений высш. образования по юрид. специальностям / Н.И. Порубов, А.Н. Порубов. Минск : Выш. шк., 2012. 318 с.

Порубов, Н.И. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты : монография / Н.И. Порубов, А.Н. Порубов. М. : Юрлитинформ, 2013. 302, [1] с.

Долгое время Николай Иванович являлся членом экспертного совета ВАК Республики Беларусь, председателем и членом совета по защите диссертаций при Академии МВД Республики Беларусь. Своим добрым словом, поддержкой, подсказкой, доброжелательностью, пониманием процессов, происходящих в юриспруденции, идеями он помог не одному десятку ученых в Республике Беларусь и странах СНГ стать на ноги, испытать чувство удовлетворенности от занятия любимым делом.

Николая Ивановича Порубова коллеги по праву считают одним из основателей школы белорусской криминалистики. Он был одаренным и преданным своей профессии педагогом, прекрасно владевшим различными методиками ведения всех видов занятий. Лекционные занятия, проводимые профессором, являлись образцом педагогического мастерства и вызывали живой интерес у слушателей не только к учебной дисциплине «Криминалистика», но и к другим проблемам нашего общества.

Желание стать хорошим лектором, приобрести опыт публичных выступлений привели Николая Ивановича в общество «Знание». С лекциями для молодежной аудитории, лекторов и пропагандистов он объездил практически весь Советский Союз, побывал во всех районных центрах Беларуси.

Николай Иванович всегда занимал активную жизненную позицию, не оставался в стороне от тех процессов, которые происходили в стране, республике, учебном заведении. Так, он трижды выдвигал свою кандидатуру на выборах в высший законодательный орган страны: один раз в Верховный Совет СССР и дважды – в республиканский. Ученый пытался отстоять свою точку зрения относительно необходимости сохранения могучего государства – СССР, предсказывал негативные последствия его развала.

Заслуги Николая Ивановича Порубова в области науки и образования были по достоинству оценены государством. Он был награжден государственными наградами: медалями «За безупречную службу» трех степеней (1965, 1975, 1979 гг.); «Ветеран труда» (1984 г.), Франциска Скорины (1998 г.). За высокие результаты в научно-исследовательской деятельности ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Республики Беларусь (1998 г.). Также Николай Иванович неоднократно награждался и

поощрялся руководством Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Академии.

Николай Иванович очень любил жизнь, его манеры и обходительность стали залогом успеха у женщин. Прекрасный собеседник, галантный кавалер – вот те немногие качества, которые выделяли его из числа других мужчин.

Николай Иванович был добрым, заботливым и отзывчивым человеком, имел неповторимое чувство юмора. Все, кому довелось работать с ним, будут помнить его как человека принципиального и требовательного, человека высокой культуры, честности и порядочности, харизматичного управленца и организатора. Он был примером интеллигентности, внимательного и чуткого отношения к людям.

Нам и нашим современникам повезло – мы жили и работали с этим человеком, ученым. Могли ощутить величие его таланта и простоту человеческих отношений.

УДК 343.1

И.В. Данько

НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Н.И. ПОРУБОВА В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В последние годы в Республике Беларусь развернулась широкомасштабная реформа уголовно-процессуального законодательства, призванная оптимизировать порядок осуществления уголовного процесса в нашей стране. Несмотря на чрезмерную увлеченность популистскими лозунгами, в целом можно констатировать, что в УПК появились нормы, которые действительно направлены на повышение эффективности деятельности органов уголовного преследования и суда, ускорение и упрощение разрешения правовых конфликтов. В таких условиях немаловажное значение приобретает юридическая наука, роль которой исключительно велика в сфере совершенствования процессуального законодательства. Еще в начале XX в. В.К. Случевский писал: «Помощь науки особенно нужна нашим процессуалистам, потому что наши уставы не отличаются развитием общих процессуальных положений, имеющих обыкновенно руководящее значение для судебной практики... Время неизбежно создает сложные явления жизни, в которых рядом с остатками, завещанными историческим прошлым, нарождаются новые элементы, требующие своего признания, но не всегда легко сживающиеся с установившимся строем жизни» [6, с. 24–25].

Среди белорусских ученых, внесших вклад в развитие отечественного уголовного процесса, особняком стоит имя Николая Ивановича Порубова. Называя себя в одной из своих многочисленных работ «старым криминалистом», он, тем не менее, использовал свой богатый теоретический и практический потенциал в том числе для осмысления отдельных аспектов уголовно-процессуального права. «Если этапы развития уголовно-процессуального законодательства, – утверждал Н.И. Порубов, – наложить на исторические этапы развития криминалистики, то заметно их взаимное влияние, обусловленное тенденцией интеграции тактических приемов, разработанных криминалистикой, в уголовно-процессуальное законодательство... Наиболее важные тактические приемы, разработанные криминалистикой и часто применяемые на практике, законодатель счел целесообразным внести в УПК в качестве обязательной процессуальной нормы» [5, с. 102]. Его идеи, высказанные в 60–70-е гг. прошлого столетия, получили прописку много позже в действующем УПК, а некоторые из них актуальны до сих пор, оставаясь предметом обсуждения соответствующих специалистов.

В частности, поднимая проблему свидетельского иммунитета, Николай Иванович в монографии «Допрос в советском уголовном судопроизводстве» (1973) отмечал: «Советский уголовно-процессуальный закон не освобождает мужа, жену и других родственников обвиняемого от дачи показаний... Каждый раз, когда родственнику или супругу приходится давать показания, он стоит перед выбором между родственными чувствами и общественным долгом и, как правило, побеждают первые. Нелегко быть свидетелем по делу о преступлении, совершенном мужем, братом, отцом. В душе такого свидетеля борются два чувства: общественный долг, совесть гражданина и жалость к близкому, желание его оправдать, облегчить участь. С точки зрения закона свидетель независимо от родственных отношений должен предпочесть общественный долг и рассказать правду. Но если представить, что от этой правды зависит дальнейшая судьба свидетеля, его благополучие, целостность семьи и другие для него жизненно важные моменты, то станут понятными его молчание и очевидная ложь. По нашему мнению, близким родственникам следовало бы предоставить право воздержаться от дачи избыточных показаний, поставить это право в зависимость от их желания им воспользоваться. Принятие этого предложения способствовало бы расширению принципа гуманности в советском уголовном процессе» [4, с. 158–159].

В той же работе автор предлагает «в целях обеспечения реальной защиты интересов несовершеннолетних предусмотреть в законе обязанность следователя приглашать педагога, а при необходимости и родителей или законных представителей, для участия в допросе не только несо-

вершеннолетнего обвиняемого, но и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей» [4, с. 326]. Приветствуя появление в УПК 1999 г. подобной нормы, Л.Л. Зайцева подчеркивает, что «расширение прав законных представителей в стадии предварительного расследования будет способствовать усилению защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, оказанию ему необходимой помощи, созданию атмосферы взаимопонимания и доверия между участниками следственных действий» [8, с. 30].

Н.И. Порубов был одним из первых, кто обратил внимание на целесообразность ограничения числа следственных действий, осуществляемых с обязательным участием понятых. «Парадокс налицо, – негодовал он. – Следователю вверены судьбы людей, и в то же время к нему проявляется недоверие, если почти каждое его действие должно быть удостоверено понятыми» [3, с. 204].

Законодатель, посчитав, видимо, что сейчас доверие общества к органам уголовного преследования возросло, сделал серьезный шаг в направлении оптимизации института понятых, исключив их из числа обязательных участников процесса при проведении личного обыска, освидетельствования, следственного эксперимента, эксгумации, выемки и иных следственных действий, существенно затрагивающих права и законные интересы граждан. Однако шаг этот, как представляется, оказался не до конца последовательным и логичным, поскольку в одних случаях понятые сохранены (например, при проверке показаний на месте), в других – допускается проведение следственных действий без их участия (например, при производстве следственного эксперимента). В подобной ситуации видится необходимость формирования более концептуального подхода к участию понятых в уголовном процессе и выработки соответствующих законодательных формулировок по его реализации.

Значительное место в трудах Н.И. Порубова уделялось процессуальной экономии на досудебном производстве – одному из самых актуальных вопросов. Процессуальная экономия рассматривалась профессором не только в организационно-управленческом контексте из соображений рациональной организации уголовно-процессуальной деятельности следователя, но и с позиции совершенствования законодательства. В работе «Научная организация труда следователя» (1970) Н.И. Порубов вскрывает недостатки УПК, связанные с делением досудебного производства на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. «В настоящее время, – пишет он, – до возбуждения дела проводится предварительное экспертное исследование, которое оформляется справкой эксперта. Затем, после возбуждения дела, проводится повторное исследование для решения тех же вопросов и на тех же объектах, но оформляется оно в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона по-

становлением следователя и заключением эксперта. С точки зрения научной организации труда все это нельзя признать нормальным, так как приходится делать дважды одну и ту же работу.

Удвоение следственных действий наблюдается и при допросе. До возбуждения уголовного дела свидетелей опрашивают, от материально ответственных лиц отбирают объяснения, а после возбуждения уголовного дела их приглашают снова и те же показания, которые уже однажды были даны, переносят на бланк протокола допроса, иногда в худшем варианте, так как с момента первого допроса обычно проходит много времени, за которое свидетель успевает забыть детали происшедшего. Неоднократные вызовы на допросы без очевидной необходимости приводят к тому, что граждане считают это для себя обременительным» [3, с. 205–206].

Стоит заметить, что с тех пор стадия возбуждения уголовного дела претерпела значительные изменения. На данном этапе согласно ч. 2 ст. 173 УПК могут быть получены объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребованы дополнительные документы, назначена проверка финансово-хозяйственной деятельности, произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании, извлечение трупа из места захоронения (эксгумация). По длительности эта стадия уже превышает начальный срок предварительного следствия, составляя 3 месяца со дня поступления в орган уголовного преследования информации о преступлении.

Такая регламентация позволила А. Данилевичу и В. Самарину справедливо утверждать, что современная стадия возбуждения уголовного дела «сблизилась по своему содержанию с расследованием уголовного дела, превратилась в его суррогат» [1, с. 28]. Неслучайно в отдельных странах постсоветского пространства (Украина, Молдова, Казахстан) данная стадия была упразднена, в Беларуси эта тема поднимается пока весьма робко, с опаской. Надо полагать, во многом это обусловлено национальными особенностями белорусов, осторожностью и сдержанностью в решении серьезных вопросов, может быть, где-то и привычкой действовать с оглядкой на других. Например, приняли на Украине новый УПК, который уже окрестили гибридом процессуальных моделей [7], а мы посмотрим, что из этого получится. В 1904 г., характеризуя белорусов, педагог, литератор, этнограф Федот Андреевич Кудринский писал: «Исторические обстоятельства, двусмысленное положение белоруса между Польшей и Россией воспитали в нем привычку постоянно оглядываться, вечно подозревать даже и в том случае, когда, по-видимому, нет никаких оснований для подозрения» [2, с. 116–128].

Вместе с тем, думается, уже назрела необходимость реформы не только стадии возбуждения уголовного дела, но и всего досудебного производства, которое должно отвечать современным представлениям об эффективном уголовном процессе, позволяющем максимально сократить время между уголовно наказуемым деянием и его разрешением судом. В подобном контексте как-то неуклюже выглядят попытки модернизировать стадию возбуждения уголовного дела в направлении еще большего наполнения ее процессуальным содержанием. Так, появляются предложения о закреплении в УПК норм, регламентирующих статус отдельных участников процесса на этой стадии, предоставляющих возможность продления ее срока до шести месяцев либо приостановления течения такого срока по аналогии с предварительным расследованием, и т. п.

Все это является контрпродуктивным и ведет к загромождению и без того забюрократизированного досудебного производства, развитие которого должно идти по пути процессуальной деформализации, позволяющей собирать доказательства со значительной экономией сил и средств органов уголовного преследования. Не исключено, что в перспективе на повестке дня остро встанет вопрос об унификации законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности, административного и уголовных процессов, которые имеют одну и ту же публично-правовую природу и уже сейчас существенно сблизились по порядку осуществления отдельных процедур.

Конечно, профессор Н.И. Порубов объективно не мог заглядывать так далеко вперед, но его научное предвидение в полной мере проявилось в оценке права следователя давать органам дознания поручения о проведении следственных действий. Рассматривая данное полномочие как процессуальную форму взаимодействия следователя с органами дознания, он в то же время считал, что «поручение следователя органу дознания оправдано в том случае, если он не может выполнить по каким-либо причинам это действие сам...» [4, с. 152–153]. Однако, как показывают первые годы функционирования в Республике Беларусь Следственного комитета, причины, по которым следователь не способен самостоятельно произвести то или иное следственное, другое процессуальное действие, могут быть надуманными, прикрывающими нежелание выполнять «черновую» работу.

Решение данной проблемы Н.И. Порубов видел в ограничении возможности дачи поручений: «Необходимо, чтобы в одном из нормативных документов были оговорены конкретные случаи обращения следователя к органу дознания с поручением о производстве следственных действий» [4, с. 152–153]. Развивая эту идею, полагаем, что наиболее приемлемым будет являться сохранение такого права следователя только в

исключительных, прямо предусмотренных в законе случаях, например когда целесообразно одновременное проведение нескольких процессуальных действий по одному и тому же уголовному делу (обыск, выемка, задержание и др.). Причем поручения должны направляться через прокурора, который, согласовывая, будет оценивать их обоснованность. При этом для решения задачи быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изблечения и привлечения к уголовной ответственности виновных в законе надлежит оставить полномочие следователя давать органам дознания поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий.

В завершение следует отметить, что научное наследие Николая Ивановича Порубова свидетельствует о том, что он безбоязненно брал на себя ответственность по постановке и научному осмыслению возникающих правовых проблем, верно чувствуя при этом их значимость не только для сотрудников правоохранительных органов, но и для определения государством уголовной политики в сфере противодействия преступности. Творческие результаты его работы актуальны по сей день и востребованы молодым поколением ученых и практиков.

1. Данилевич А., Самарин В. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь // Законность и правопорядок. 2013. № 3.
2. Кудринский Ф. Белоруссы (общий очерк) // Виленский календарь на 1905 простой год. Вильна : Тип. «Русский Почин», 1904.
3. Порубов Н.И. Научная организация труда следователя. Минск : Выш. шк., 1970.
4. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск : Выш. шк., 1973.
5. Порубов Н.И., Порубов А.Н. Интеграция криминалистики в уголовно-процессуальное законодательство // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Минск, 1999. № 14/99.
6. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I. Судостроительство / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008.
7. Точиловский В. Новый УПК Украины – гибрид процессуальных моделей [Электронный ресурс]. URL: http://interjustice.blogspot.com/2013/02/blog-post_23.html (дата обращения: 13.02.2015).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / вступ. ст. Л.Л. Зайцевой. Минск : Тесей, 2000.

УДК 343

Ф.А. Абашева

ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ПОРЯДКЕ гл. 40.1 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Взятый руководителями государства курс на неотвратимость ответственности за каждое преступление и поиск наиболее эффективных средств его обеспечения побудил законодателя ввести в УПК РФ гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Уголовно-процессуальная форма – одно из основных, но в то же время недостаточно исследованных понятий уголовно-процессуальной теории. Эта научная категория используется и встречается почти в каждой работе по уголовному процессу и употребляется в том или ином значении всеми, кто исследует такое социально-правовое явление, как уголовный процесс.

Становление и развитие уголовно-процессуальной формы производств по уголовным делам в России проходило в очень сложных законотворческих и правоприменительных условиях.

Дифференциация процессуальной формы производства по уголовным делам была закреплена на законодательном уровне с самых первых дней существования советской власти, завоевывая при этом все более широкие сферы своего применения. При этом такая дифференциация носила однобокий характер, ибо развивалась только в сторону упрощения и ускорения процессуальной формы производства по уголовным делам.

Поиск оптимальных путей достижения задач уголовного судопроизводства вызвал в середине 70-х гг. XX в. острую дискуссию по вопросу о более широкой дифференциации уголовно-процессуальных форм производства по уголовным делам. В процессуальной литературе появляется ряд статей как противников [5, с. 313–325], так и сторонников [3] такой дифференциации.